

«Живая жизнь»: идеал женщины и проблема красоты в романе Ф. М. Достоевского «Подросток»

О. А. Богданова

(Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук)*

В разные периоды творчества проблема красоты решалась Ф. М. Достоевским с различных мировоззренческих позиций. В «Подростке» автор, объединяя близкий ему с юности западноевропейский идеал красоты с русской духовной традицией, приходит к выводу о праве «живой жизни», воплощением которой является Катерина Николаевна Ахмакова, на несовершенство и ошибку в «падшей» земной реальности. Указывая на нарождающийся тип русской женщины, писатель призывает к пересмотру ее устоявшихся в обществе ролей «рабы» или «богини» и к выработке партнерских взаимоотношений между полами. Проблема рассматривается в контексте произведений русской литературы 1840–1870-х годов, затрагивающих тему женской эмансипации. В «Подростке» видим христианское осмысление идеала женщины, выдвинутого Н. Г. Чернышевским («Что делать?»).

Ключевые слова: красота, «живая жизнь», гуманизм, христианство, идеал женщины.

«The Living Life»: A Woman's Ideal and the Problem of Beauty in F. M. Dostoevsky's Novel «The Adolescent»

O. A. Bogdanova

(The A. M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences)

Abstract: The notion of beauty was most important for the Russian novelist on the different stages of his work. In this novel F. M. Dostoevsky unites the European ideal of beauty with its Russian spiritual understanding and confirms the right for the "living life" embodied in Katerina Akhmakova to go astray in the "fallen" earthly world. Depicting the newly sprung type of a Russian woman, Dostoevsky claims to revise the socially adopted roles of a slave or a goddess for a woman who should be an equal partner of a man in their relationship. This situation is investigated in the context of the works written in 1840–1870s by Russian writers who dwell on the problem of women's emancipation. In Dostoevsky's novel we see the Christian interpretation of an ideal woman, offered by N. G. Chernyshevsky in his novel "What's to Be Done?".

Keywords: beauty, "living life", humanism, Christianity, ideal of woman

Главный герой произведения — Андрей Петрович Версиков — размышляет о «живой жизни»: «Это должно быть нечто... самое обыденное... ежедневное и ежеминутное, и до того простое, что мы никак не можем поверить, чтоб оно было так просто и... проходим мимо вот уже многие тысячи лет, не замечая и не узнавая» (Достоевский, 1972–1989: 13, 178; далее в тексте статьи ссылки на это издание даются в скобках: первое число — том, второе — страница). Его сын Аркадий замечает отцу: «эта женщина есть то, что вы давеча... говорили про «живую жизнь» — помните?.. Ну вот, с таким взглядом вы встретили женщину-идеал и в совершенстве, в идеале признали — «все пороки!»» (13, 219).

«Эта женщина» — Катерина Николаевна Ахмакова. «Царица земная», «идеал», «совершенство», но и «дрянная», «развратная», «подлая» — такие определения сопутствуют героине на всем протяжении романа. В чем же суть этой небывалой ранее на страницах Достоевского красоты?

Вглядимся в облик Ахмаковой глазами юноши Аркадия: «Выражение вашего лица есть детская шаловливость и бесконечное простодушие... лицо у вас совсем деревенское... круглое, румяное, ясное, смелое, смеющееся и... застенчивое лицо... Застенчивое и целомудренное... У вас ум веселый, но без всяких прикрас... Я воображал вас верхом гордости и страстей, а вы... говорили со мной как студент с студентом... красоты вы

* Богданова Ольга Алимовна — кандидат филологических наук, докторант Института мировой литературы РАН. Тел.: (495) 706-08-85. Эл. адрес: olgabogda@yandex.ru

необычайной, а гордости нет никакой (13, 202–203).

В центре «Подростка» — загадка личности Версилова, нервом которой является его непонятное отношение к Катерине Николаевне. Познакомившись с ней за границей, Андрей Петрович как будто попал в рабство: «все... что было в нем свободного, разом уничтожилось пред этой встречей, и человек навеки приковывался к женщине, которой совсем не было до него дела» (13: 384). «Вся душа его была возмущена» (13: 384), и, после короткого периода сближения, в духовном и психологическом плане, Версильов проникается к Ахмаковой ненавистью и начинает находить в ней «все пороки».

Можно подумать (как это случилось поначалу с Аркадием), что Катерина Николаевна действительно «скверная». Однако на деле это «простая и прямодушная женщина в высшей степени» (13, 384).

При этом она обладает воспитанием и образованием «высшего культурного слоя народа русского» (13, 376), способна блистать в свете. Еще в Эмсе Версильов нашел в ней интересного собеседника, живо увлеченного духовными и умственными проблемами. В Петербурге она сходится с Аркадием, как «студент» со «студентом», они горячо обсуждают политические, социальные и т. п. вопросы: «Вы помните, мы иногда по целым часам говорили про одни только цифры, считали и примеривали, заботились о том, сколько школ у нас, куда направляется просвещение. Мы считали убийства и уголовные дела, сравнивали с хорошими известиями... хотелось узнать, куда это все стремится и что с нами самими, наконец, будет» (13, 207).

«Я ведь — пресерьезный характер. Я — самый серьезный и нахмуренный характер из всех современных женщин, знайте это...», — аттестует она себя «подростку». В другой раз с горечью признается: «В свете с нами, женщинами, так никогда не говорят», унижая иронией и «нестерпимой» снисходительностью, если мы «сунемся» «не в свое дело». «Я в жизни встретила лишь двух лю-

дей, которые со мной говорили вполне серьезно»: покойного мужа и Версильова (13, 207). Неудивительно, что женщина-личность, обладающая умственными потребностями, с симпатией и благодарностью отнеслась к главному герою произведения. Она полюбила его как друга, как «величайший ум» (13, 415), «общую любовь... в которой всегда не стыдно признаться» (13, 416). С его же стороны все оказалось по-другому: не имея примера и привычки равноправных отношений с женщиной, он захотел *полного* обладания этим прекрасным существом. Искренняя дружба, глубокое уважение, личностное взаимопонимание с молодой красивой женщиной — такое не укладывалось в традиционные представления, стереотипы «мужской культуры», из-под власти которых, несмотря на всю свою неординарность, Версильов так и не вышел.

Отсюда — несправедливые претензии к Ахмаковой, уклонившейся от его страсти, вражда, клевета, зависть к ее «совершенству», доставшемуся ей «даром», и даже заговор, который он сплел вокруг героини вместе с подлецом Ламбертом ради того, чтобы сломать ее судьбу, убедиться в ее «точности» и тем самым освободиться от неразделенной любви к ней.

С 1840-х годов тема женской эмансипации становится одной из ведущих в русской литературе, что проявилось и в творчестве Достоевского.

В «Подростке» она выходит на первый план. Здесь перед нами тип женщины-личности, не желающей замыкаться в традиционной «женской» сфере любви, семьи и т. п., а претендующей на широкое поле умственной и социальной активности; при этом не теряющей красоты, поэзии, обаяния.

Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой сатирически изображали женщин, вторгавшихся в традиционно «мужские» умственные и общественные интересы, не имея настоящих знаний и подлинного к ним стремления, а на деле преследовавших чисто «женские» цели — любым способом привлечь мужское внимание (например, Кушки-

на или Варвара Лаврецкая в тургеневских романах).

Напротив, героини, вызывавшие авторские симпатии, были далеки от «неестественных» для женщины умственных претензий — Наташа Ростова, Лиза Калитина и др.

В современной Достоевскому литературе Ахмаковой предшествовала Ольга Ильинская из гончаровского «Обломова» (1858). Но, в отличие от героини «Подростка», Ольга наслаждается, выражаясь современным языком, партнерскими отношениями в браке с любимым ею Штольцем. Однако Штольц — характер утопический для России середины XIX века. К тому же образ «идеальной» Ольги находится на периферии романа «Обломов», да и присущее ей «развитие» целиком дано мужем, а не приобретено самостоятельно.

Подлинная литературная предшественница Ахмаковой — Вера Павловна из романа «Что делать?» (1863), чей образ стал гвоздем полемики 1860–1870-х годов. Хотя социалист-атеист Чернышевский в большинстве вопросов был идейным антагонистом Достоевского, здесь, на художественном уровне, наметилось неожиданное сближение. Вера Павловна тоже «пресерьезный» характер, пользующийся несомненной авторской симпатией и занимающий в произведении центральное место.

Оставаясь желанной для любимого человека женщиной, она, благодаря собственной воле и упорству, превращается в ученого-медика и авторитетного практикующего врача. Сохраняя уважительную дружбу с первым мужем, Лопуховым, оказавшимся для нее в сфере интимных чувств «ошибкой молодости», в браке с Кирсановым она выстраивает взаимоотношения «на равных».

И в авторском замысле, и в читательском восприятии Вера Павловна была идеалом женщины, образцом для подражания.

Уже в «Записках из подполья» (1864) Достоевский вступает в полемику со знаменитым романом Чернышевского, в первую очередь во взгляде на человеческую природу. Автор «Что делать?», как последователь идеи

западноевропейского гуманистического «человекобожества», утверждал изначально, природную, доброту и разумность человека, приобретающего «пороки» только вследствие «дурной социальности». По этой логике, изменение социального устройства, пусть в масштабах одной мастерской, семьи или дружеской компании, автоматически вернет людей к состоянию внутреннего совершенства и обеспечит гармоническое развитие их взаимоотношений.

Очевидно, что эта теория исключала христианское представление о первородном грехе, коренной порче человеческой природы, власти дьявола над «человечностью» и невозможности обрести гармонию «своими силами», без обращения к Божьей помощи.

В этом — суть расхождения христианина Достоевского с Чернышевским. Несмотря на принципиальное принятие предложенного последним женского идеала, будущий автор «Подростка» отмечает его утопичность, предвидит колоссальную трудность его осуществления в жизни именно в силу поврежденности человеческой природы и греховной замутненности отношений между полами. Размышляя в «Дневнике писателя» за 1877 г. о романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина», Достоевский писал: «Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой...» (25, 201).

В этом смысле «Подросток» можно воспринимать как поправку к роману Чернышевского, как *христианское* осмысление его женского идеала.

Очевидно, что такая героиня, как Ахмакова, требовала к себе нового отношения, к которому современный писателю мужчина (в отличие от утопических героев Чернышевского) был, как правило, не готов. Указывая на *нарождающийся* тип женщины, Достоевский призывает к необходимости пересмотра ее устоявшихся в обществе ролей «рабы»

или «богини» и к выработке партнерских взаимоотношений между полами. Сама героиня протестует против навязываемых ей мужчинами ярлыков — то «низкой твари», обслуживающей страстно-телесную сторону их жизни, то «царицы земной» и недостижимого «совершенства», которому надо молитвенно поклоняться. «Да я — самая обыкновенная женщина; я — спокойная женщина...» (13, 414), — объясняет она Версилкову.

В авторском предисловии к роману «Братья Карамазовы» (1878–1880) Достоевский раскрывает значение своих исключительных, на первый взгляд «фантастических», характеров: «чужак «не всегда» частность и обособление, а напротив, бывает так, что он-то, пожалуй, и носит в себе иной раз сердцевину целого, а остальные люди его эпохи — все, каким-нибудь наплывным ветром, на время почему-то от него оторвались...» (14, 5). Эту мысль с полным основанием можно отнести к Ахмаковой: пусть таких женщин еще мало, но будет большинство, они станут *нормой*.

В эпилоге к «Подростку» уже появляется герой-мужчина, способный, через «падения» и заблуждения, подняться до новых, достойных отношений с такой женщиной. Это двадцатилетний Аркадий, который, повзрослев, сумел оценить личность Ахмаковой, дорожит складывающейся дружбой с ней, уважает ее свободу. «Умалчивая» о содержании своих бесед с Катериной Николаевной и полученных от нее из-за границы писем, герой объясняет: «Это уже другая история, совсем новая история, и... вся она еще в будущем» (13, 447).

Важно, особенно в свете предыдущих романов писателя, прежде всего «Идиота» (см.: Богданова, 2007: 101–104), возражение Ахмаковой против преклонения перед собой. Она не «образ чистой красоты» (8, 207), претендующий на божественную непогрешимость, она «живая жизнь», имеющая право на несовершенство и ошибку.

Вспомним, как в минуту тревоги о собственном материальном благополучии она неосторожно пишет своему поверенному в

делах Андроникову компрометирующее ее письмо, «документ», вокруг которого и закручивается главная романная интрига. В этом письме Ахмакова советует с Андрониковым о практических способах взятия под опеку родного отца, престарелого князя Сокольского, который был готов жениться на молоденькой и тем самым оставить дочь без наследства. Когда опасность такого поворота событий миновала, «документ», оказавшись он в руках отца, неминуемо привел бы к скандалу. Случайно доставшееся Аркадию и по разным причинам попавшее впоследствии к Версилкову и Ламберту, это письмо стало орудием шантажа Ахмаковой, принуждения ее к «позорному» выкупу «документа».

Но, несмотря на озабоченность житейскими делами и даже готовность к денежной сделке с Ламбертом, Катерина Николаевна наедине с подлецом мужественно отвергает оскорбительное предложение, плюнув ему в лицо. Она «падает», но она же и «поднимается», как любой живой человек.

Подозревая, что «документ» у Аркадия, первоначально она «привлекает» к себе юношу именно по этой причине, надеясь на его «пылкость». Но затем заявляет: «Мне очень скоро стало противно... и надоело... все это притворство» (13, 205), искренне прося прощения у своего нового друга-«студента». «Да и вправду: если я хитрила, то ведь и вы тоже» (13, 205), — оправдывается перед незаконным сыном Версилова и бывшей крепостной крестьянки, нищим и без всякого социального положения юнцом, эта светская львица, урожденная княжна из тысячелетнего рода!

Ахмакова, как и окружающие ее люди, как вся земная жизнь, совсем не безупречна. Однако она никого не осуждает, в том числе себя, принимает несовершенство как неизбежное: «Это я смешна... уж тем, что говорю с вами как дура» (13, 415), — успокаивает она самолюбие домогающегося ее любви Версилова.

Тем не менее, героиня хранит в своей душе настоящий идеал. Достоевский высве-

тил ее образ в лучах религиозно-философской Истины, в этот период уже неразрывно связанной для него с народно-православным мироощущением.

Эта столичная «законодательница зал», подобно пушкинской Татьяне Лариной, признается: «Мне очень скучно бывает иногда в людях... Я даже мало теперь и бываю где-нибудь... Мне часто хочется уехать в деревню. Я бы там перечла мои любимые книги, которые уж давно отложила...» (13, 207).

Вообще, с Татьяной роднит Ахмакову многое, в том числе сочетание нежной женственной души с мужским умственным кругозором, но сейчас для нас важнее другое — национальный характер обеих героинь. Уже в портрете Катерины Николаевны видна ее чисто русская, даже простонародная, красота; сама же она утверждает: «Я русская и Россию люблю» (13, 207). Как пушкинская Татьяна, она, дитя «старинного» русского дворянства, выросла в одном «предании» с народом.

И хотя о ее сознательном отношении к Богу в романе практически ничего не сказано, поведением героини явно руководят такие христианские добродетели, как смирение, целомудрие, самоотверженность.

Мы видели, в отношениях с Аркадием, ее готовность к покаянию, совестливости.

Она смиренно ведет себя с ополоумевшим Версильевым; не осуждая, не превозносясь над ним, терпит несправедливые обвинения, клевету и даже находит в себе внутренние силы простить и пожалеть своего «врага», смягчив отказ на брак с ним последним свиданием и признанием его выдающихся достоинств.

В отличие от многих других «умных» героинь Достоевского (Дуни Раскольниковой, Настасьи Филипповны, Лизы Тушиной), Катерина Николаевна свободна от «демона» гордости, она способна думать о других больше, чем о себе: трогательно ее заботливое участие к матери «подростка», гражданской жене Версильева Софье Андреевне, которой она невольно причиняет страдание, будучи предметом страсти ее мужа.

Но особенно значима глубинная связь Ахмаковой с народным праведником Макаром Долгоруким, названным отцом Аркадия. Этот святой странник — настоящий учитель благочестия, проповедник истинной веры и хранитель народно-православного «предания». К нему, как к источнику в пустыне, духовно припадают и сам Версильев, и Аркадий, и его мать с сестрой, и многие другие. «Я его никогда не видала, но в жизни моей он тоже играл роль» (13, 365), — сожалеет героиня о смерти Макара Ивановича.

Поразителен ряд совпадений в словах и мыслях старого крестьянина и молодой аристократки, например в суждениях о «веселии» сердца и «благообразии» («порядке»). Так, по мысли Макара, «веселый» человек не может быть безбожником (13, 301); Ахмакова же отказывает Версильеву из-за отсутствия в том «порядка», потому что сама она любит «веселых людей» (13, 414). «Веселых» — значит «благообразных», имеющих внутренний «порядок», дающийся верой в Бога. Версильев же неверующий.

Итак, подобного женского образа в творчестве Достоевского, да и во всей русской литературе XIX века, еще не было. «Живая жизнь», «жизнь с избытком», по евангельскому слову, предстает перед Богом, сохраняя право на несовершенство и ошибку в «падшей» земной реальности. Она, по художественной мысли автора, защищена от нападок сатаны своей общностью с русским народом — хранителем православной «правды».

Эта богатая «человечность» воплощается в «старинной» русской дворянке, соединившей в себе национально-религиозное «предание» и западноевропейскую образованность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богданова, О. А. (2007) «Образ чистой красоты» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 101–104.

Достоевский, Ф. М. (1972–1989) Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука.